

Кире Муратовой

КАЖДАЯ лента Кире Муратовой вызывает бурю впечатлений. Этот режиссер - на особом положении, которое и помогает и мешает одновременно: непонимание и снисхождение компенсируются авторитетом и способностью "плыть против течения". Кира Муратова живет в Одессе и редко бывает в Москве - не любит здешние шум и суету.

- Кира Георгиевна, что в большей степени влияет на ваше творчество: действительность, которая преходяща, или искусство, которое вечно?

- Все влияет, но это трудный вопрос. Я люблю, когда меня окружают талантливые люди, очень много дается через общение. Но я мало общаюсь с такой всечеловеческой действительностью, даже телевизор не смотрю. Реальность состоит и из тебя, ты тоже есть реальность. Ты - твоя душа, твой характер, твоя судьба, твоя профессия. Дальше идет следующий круг - твое окружение, и все шире, шире... И не знаешь, где кончаешься ты сам...

Как ни печально, но реальную роль играют и деньги. Если ты человек необеспеченный, все упирается в отсутствие средств к существованию. Я живу на те деньги, которые получаю, если моя картина заслужит приз на каком-нибудь фестивале. В остальное время я нищая.

- Наверное, вы сознательно выбрали авторское кино, с трудом воспринимаемое зрителем. Это неблагоприятный путь.

- Когда приступаю к очередным съемкам, всегда уверена, что сниму фильм, который будет интересен всем. Но по завершении картины слышу, что получилось сложно, неординарно, зауменно... Для меня это всегда неожиданность - люди не понимают тех вещей, которые для меня кажутся естественными. Я показываю мир, в котором живу. Просто ничего не приукрашиваю.

- Многие ваши картины определены темой жестокости и насилия. По-вашему, живя в окружении жестокости, человек и сам не может без нее обойтись?

- Бывают люди, не совершившие за свою жизнь ни одного злодеяния, но это единицы, избранные и, может быть, святые. Нормальный же человек волей-неволей становится либо причиной, либо носителем-исполнителем жестокости. Это может проявляться в любой форме: физическое насилие, моральное, эстетическое... Например, если человек употребляет невегетарианскую пищу, следовательно, из-за него, может быть, каждый день умерщвляется по живому существу. В таком случае трудно даже вообразить, причиной скольких смертей становится обычный человек за свою жизнь! Меня эта мысль преследовала много лет. Решила, что, если сделаю об этом фильм, избавлюсь, успокоюсь. Сделала картину "Астенический синдром", где есть сцена скотобойни. Показала глаза коров, идущих на убой... Это ужасно... Я сняла, но не забавилась. Меня это продолжает мучить. Но жестокость - не обязательно убийство. Это может быть и слово, и взгляд, и равнодушие. Бывает, что люди делают жестокие вещи нарочно, чтобы сделать кому-то больно, а бывает - случайно и неосознанно. И даже если потом понимают, что обидели, редко просят прощения.

- Как вы думаете, почему?

- Просить прощения очень трудно, оскорблять легче. Оскорбляя, человек чувствует себя сильным, а прося прощения за проявление этой самой силы, становится слабым, незащищенным и зависимым - а вдруг не простят? В этот момент обиженный и обидчик меняются местами, и виноватый это подсознательно понимает: обиженный же может не удержаться от реванша. Очень важно в такую интимную минуту не злоупотребить чувством вины и не обидеть в отместку. Трудно смотреть в глаза

обиженному тобой человеку. Так же трудно, как и в глаза ведомой на гибель коровы. Мне кажется, что любой, оказавшийся свидетелем бойни живых существ, должен чувствовать вину за все человечество перед "бессловесными тварями", как мы их называем. Вот у животных мы прощения не просим, нам это даже в голову не приходит.

- Может быть, из-за этой вины за все человечество вы и ведете замкнутый образ жизни?

- Когда снимаю кино, что редко бывает, - то это стократный экстремизм общения! Помимо того что я работаю с непрофессионалами, которым все нужно объяснять по нескольку раз, меня к тому же окружает каждый день сотня людей. Мы всегда жили тесно, и человеку не хватает одиночества. Но я долго жила одна, и теперь мне не хватает общения. Бывает, что не то что поговорить, просто некуда деться. Вы себе не представляете, как трудно в информационном плане в провинции! В столице что-то меняется, появляется...

Конечно, живя в Москве, я не стала бы вести светский образ жизни. Наверное, жила бы в таком же одиночестве, но все-таки имела бы "доступ к информации". А что касается людей, то для меня идеал прост: хочу - общаюсь, не хочу - нет.

- Вы любите работать с непрофессионалами?

- Профессионалов я могу любить в чужих фильмах, а в своих предпочитаю их совмещать с дилетантами. Люблю создавать ситуации, которые разрушают стереотип. Когда человек контактирует, то, как бы он ни возражал и ни сопротивлялся, он все равно меняется в соответствии с этим контактом.

- Герой нашего времени и герой ваших фильмов - насколько велика разница между ними?

- Не думаю, что между ними есть какая-то разница. Просто я никогда не стремилась к тому, что называют типическим. Меня интересуют Индивидуальности и Личности. Одно время я везде говорила, что люблю чудаков - это ярко выраженные индивидуальности, это уже нетипично. Но все равно каждый чудак несет в себе некую печать. Скажем, люди из глубокой провинции, одетые странным образом, даже не задумываются об этом. И только для москвичей они будут являться странными персонажами. Вот вы, например, смотрели мой фильм "Три истории"? Помните новеллу, где действие происходит в котельной?

- Да, с Маковецким...

- Вот видите, вы сразу говорите "Маковецкий"! Потому что вы москвичка. Вы же не говорите "Кушнир", который играет котельщика. В глаза бросается "звезда", а Кушнир - местное существо, рассказывающее о себе, что он в прошлом летчик, потом где-то упал - катастрофа, стал актером в самодеятельности. Не знаю, легенду он о себе сочинил или так все и было, но сугубо для меня это очень яркая личность. Маковецкий же для меня возможен как интерпретатор, и только в сочетании вот с таким существом. А двух актеров уровня "звезды" я никогда не возьму - мне будет нечем дышать. Актеры - они хорошие, они замечательные, но они - "там", а я - "здесь". Когда я в их компанию ввожу какое-нибудь существо, которое ведет себя естественно, по-своему, в своем мире, - я словно в руки актеру, играющему Гамлета, кидаю кошку. Происходит паника, возмущение, абсурд! Вот это мне и интересно. В картине "Увлечения" я показала особый мир ипподрома, где живут люди лошадей - лошадики. Мы подходили к ним с вопросом: "Не хотите ли сняться в кино?" Они же смотрели на нас, как на агрессоров, вторгающихся в их мир. Конечно, странных людей много, но у каждого свое, каждый в отдельности ни на кого не похож. А типичность на меня наводит скуку.

Арина АБРОСИМОВА

Фото Сергея ИВАНОВА